ПОѢЗДКА ПР. ПОГОДИНА ЗА ГРАНИЦУ

въ 1842 году.

7 Іюля отправился я изъ Москвы на Харьковъ, въ дилижансѣ, вновь учрежденномъ. По настланной дорогѣ, т. е. по шоссе, добрались мы кое-какъ до Серпухова. Остановки въ лошадяхъ не было; но отсюда начались обыкновенныя придирки: „Позвольте, батюшка, припрячь четвертую лошадь; дорога больно дурна". „Пожалуй припрягайте; намъ что за дѣло!" „А прогоны-то, батюшка?" „Какіе прогоны,—мы заплатили все сполна до Харькова!" „Безъ прогоновъ мы не станемъ припрягать." „Какъ хотите!" И что же! Станцію въ 30 верстъ мы ѣхали десять часовъ, увязали нѣсколько разъ въ грязи, и должны были платить подмогѣ за выпаскиванье. Эта досадная исторія повторялась безпрестанно до Орла, куда мы пріѣхали слишкомъ черезъ трое сутокъ.

Дорога въ самомъ дѣлѣ была ужасная. Но развѣ это новость? Развѣ такое состояніе послѣ дождей неизвѣстно? Почему же заведеніе въ своемъ условіи съ ямщиками не выговариваетъ четвертой лошади на подобные случаи, а ямщики не принимаютъ ихъ въ соображеніе на торгахъ? Сѣдокъ платитъ 95 рублей съ тѣмъ, чтобы быть спокойнымъ до Харькова—не тутъ-то было! На всякой станціи онъ долженъ слушать несносное канюченье, приплачиваетъ и теряетъ дорогое для него время.

Мы хотѣли однажды записать жалобу въ книгу. Ямщикъ намъ въ ноги. „Не обидьте, батюшка! Сколько я мучился съ вами; вы сами видѣли". „Ты не виноватъ, мы знаемъ, и жалуемся не на тебя". „Да съ меня вычтутъ". „Ты отвѣчай, что дорога была дурна, и что на трехъ лошадяхъ вывезть тяжелаго тарантаса нѣтъ возможности". „Хозяинъ не станетъ слушать, все ужь мы виноваты." „Зачѣмъ же поѣхалъ?" „Какъ же бы мнѣ не ѣхать? Вѣдь я работникъ!" Другіе ямщики-товарищи

приступили также съ просьбами за старика, и мы бросили свой искъ.

А отъ чего это происходитъ? Отъ „авось", отъ „какъ нибудь", отъ непривычки къ опредѣленности, точности, законности, отъ страсти къ выгадываньямъ — нельзя ли подешевле. Сѣдокъ, на примѣръ, наровитъ провезть съ собою всякую всячину, не платя за лишнюю тяжесть; хозяинъ подряжаетъ, не изчисляя возможныхъ трудныхъ случаевъ, чтобъ не платить изъ-за нихъ дороже; подрядчикъ нанимаетъ ямщиковъ безъ дальней разборчивости, лишь была-бъ у него тройка, какая нибудь. Сѣдокъ хлопочетъ, какъ-бы ему сѣсть поскорѣе въ повозку; ямщикъ, какъ бы запрячь; содержатель, какъ бы спустить его со двора. „Авось доѣдемъ; авось привеземъ; доставимъ какъ нибудь!" Чуть случится на дорогѣ что нибудь новое, необыкновенное, — виноватаго не сыщешь, и начинается споръ, при коемъ всякой бываетъ нѣсколько правъ, потому что до этого случая всякой былъ нѣсколько про себя виноватъ.

Спутниками у меня были: одинъ молодой человѣкъ, ѣхавшій опредѣляться въ полкъ, и пожилой Французъ, жившій до сего въ Петербургѣ, а теперь спѣшившій въ Одессу лечиться грязями. Одинъ безпрестанно охалъ, а другой хохоталъ, особенно послѣ первыхъ сутокъ, въ продолженіи которыхъ еще часто навертывались у него слезы, а лице отцѣнялось грустію и печалію по отеческомъ домѣ.

Мы познакомились скоро: молодой человѣкъ показалъ въ разговорѣ хорошія свѣдѣнія въ Русской словесности, исторіи, музыкѣ. „Зачѣмъ вы торопитесь такъ въ службу? Для чего не кончили курса?" Помявшись немного, онъ отвѣчалъ, что ему не переведенному не хотѣлось оставаться въ классѣ на другой годъ за Лапынью.

Спрашивается, что выгоднѣе для высшей экономіи образованія общественнаго при нынѣшнемъ состояніи Россіи: чтобъ сотни молодыхъ людей, не доучась, 15 или 16 лѣтъ, опредѣлялись на службу, или чтобъ десять человѣкъ узнали кое-какъ Лапынь, позабываемую

по самой малой мѣрѣ въ пять лѣтъ. Изъ эшихъ словъ заключатъ нѣкоторые о моемъ мнимомъ неуваженіи къ классическому образованію. Нѣтъ, это не правда; но я считаю обязанностію указывать на разные случаи, коихъ мнѣ приходится быть свидѣтелемъ, для соображенія, кому угодно.

По дорогѣ вездѣ есть самоваръ, въ услажденіе путешественниковъ, и чай держится превосходный, что составляетъ единственный доходъ станціонныхъ смотрителей.

Гостинницы въ губернскихъ городахъ помѣщаются нынѣ въ богатыхъ комнатахъ, съ зеркалами и занавѣсами; но чуть куда подалѣе, за дверь, въ буфетъ, на заднюю лѣстницу, вездѣ грязи куча. Посуда вытирается опымалками; лахань, гдѣ она моется, настоящая помойная яма; вода какъ будто изъ пруда; что за одежда на прислугѣ, — взглянуть отвратительно; столовое бѣлье — гадость, особенно въ Орлѣ. Нѣтъ, безъ Нѣмецкихъ кельнеровъ мы не обойдемся; они нужны намъ теперь какъ прежде Голландскія бабушки-повитухи, и должны завести порядокъ, дать образецъ, въ нашихъ гостинницахъ.

Въ Орлѣ услышалъ я пресмѣшное донесеніе какого-то чиновника о солнечномъ затмѣніи: „сего числа происходило солнечное затмѣніе, отъ котораго впрочемъ по вѣдомству моему никакаго вреда ни людямъ, ни скотинѣ, не причинилося; а такъ какъ это дѣло не подлежитъ слѣдствію, то и не почелъ я нужнымъ предупредить о томъ ни удѣльнаго депутата, ни становаго пристава.“ Въ Орлѣ же услышалъ я, что въ Брянскѣ найдена какая-то церковь подъ землею.

За Орломъ дорога стала лучше, и мы проѣхали вторую половину нашего пути безъ задержки и благополучно.

Курскъ очень украсился съ 1829 года, когда я былъ тамъ. Что за прелестный видъ отъ Присутственныхъ мѣстъ! Мнѣ очень было жаль, что я не нашелъ

здѣсь стариннаго моего знакомаго, Астронома-мѣщанина Семенова, котораго біографію помѣстилъ въ Телескопѣ 1831 года. Онъ выѣхалъ изъ города на хуторъ.

За Бѣлгородомъ начинаются Малороссійскія села. Какъ я люблю ихъ! Что за прелесть — эти бѣлыя хаты съ шоколатными кровлями, въ сѣни зеленыхъ развѣсистыхъ деревьевъ, разсыпанныя по склону горы. Видно съ перваго взгляда, что обитатель ихъ въ дружбѣ съ природою, что онъ любитъ свой домашній кровъ, и не покидаетъ его безъ крайней нужды. Совсѣмъ не то въ Великой Россіи; деревца вы не увидите часто подлѣ избы, и рѣдко сидитъ дома заботливый хозяинъ; онъ спѣшитъ съ промысла на промыселъ. Унего изба-только ночлегъ.

Въ Харьковъ пріѣхали мы поздно вечеромъ. Я тотчасъ отправился къ Преосвященному Иннокентію.

Взхожу въ темнотѣ на высокую лѣстницу въ Архіерейскомъ домѣ. Мѣсяцъ блеснѣлъ въ окна, сквозь вѣтви тополей. Вышедшій служка сказалъ мнѣ, что Преосвященный живетъ на дачѣ, верстахъ въ пяти отъ города. Беру провожатаго и на парномъ извощикѣ отправляюсь туда. Было уже часовъ 11.

Преосвященный прогуливался по своему уединенному саду. Домикъ у него вдали отъ всякаго строенія, въ двѣ комнаты, ввѣрху и внизу, за то широкое крыльцо подъ навѣсомъ.

....

Мы сѣли на дубовую лавку. Мѣсяцъ катился передъ нами по синему небу, сверкающему звѣздами....

. .. .

Между тѣмъ я былъ очень голоденъ, но не нашлось ничего, кромѣ огурцовъ и нѣсколька яицъ въ хозяйствѣ Его Преосвященства.

Рано всталъ я поутру и обошелъ садъ. Точно эрмитажь Руссо въ Монморанси. Надо бы снять картинку съ этого домика.

Три дня пробылъ я въ Харьковѣ въ гостяхъ у Преосвященнаго Иннокентія.

Былъ на экзаменѣ въ Харьковской Семинаріи. Это знаменитый Харьковскій Коллегіумъ, давшій отечеству многихъ достойныхъ воспитанниковъ, имѣющій свою исторію—но гдѣ она? Здѣсь я подумалъ о необходимости измѣнить форму публичныхъ экзаменовъ.

Познакомился лично съ нашимъ житейскимъ мудрецомъ, Г. Ѳ. Квиткою, который теперь по единогласному выбору дворянства получилъ мѣсто Предсѣдателя Уголовной Палаты.

Видѣлся съ старымъ своимъ знакомымъ П. И. Артемовскимъ-Гулакомъ, и услышалъ отъ него на вечерѣ у Преосвященнаго множество новыхъ Малороссійскихъ анекдотовъ, которые разсказываетъ онъ мастерски. Но зачѣмъ онъ ихъ не напечатаетъ?

Знакомыхъ Профессоровъ не могъ отыскать никого; всѣ разъѣхались по деревнямъ и дачамъ.

Услышалъ отъ достовѣрной особы объ одномъ сверхъ-естественномъ происшествіи съ покойнымъ К. Онъ увидѣлъ гдѣ-то своего кума, Архитектора В., давно умершаго, который во время жизни считалъ себя нѣсколько обиженнымъ отъ него. (К. не заступился за него въ дѣлѣ о залѣ, неудачно имъ построенной, такъ что онъ на старости получилъ непріятную отставку). Покойникъ велѣлъ ему придти на другой день на Холодную гору.—К. явился на назначенное мѣсто въ колескѣ съ человѣкомъ, которому приказалъ настрого не оставлять себя. Но чрезъ нѣсколько времени человѣкъ какъ-то пропалъ отъ него. Слѣдующее разсказывалось сбивчиво. Дѣло въ томъ, что въ Харьковѣ всѣ знаютъ будто навѣрное, что К. былъ найденъ на горѣ безъ чувствъ и выдержалъ послѣ жесточайшую горячку. Это происшествіе описалъ онъ полушутливымъ тономъ въ повѣсти: Кумъ Иванъ, помѣщенной въ Телеграфѣ. Я просилъ разыскать это дѣло, переспросить свидѣтелей, и добраться, что есть въ этомъ разсказѣ истиннаго и вымышленнаго.

Пр. Иннокентій говорилъ проповѣди въ Великій посшъ при всякомъ богослуженіи, до сорока разъ. По воскресеньямъ объяснялъ онъ Великопосшныя молишвы: Се женихъ грядетъ, Чертогъ швой и пр., а въ прочіе дни излагалъ послѣдовашельно ученіе о *дѣйсшвіяхъ* и *слѣдсшвіяхъ грѣха*, кои намѣреваешся препроводишь въ цензуру, по полученіи *Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа.* Какой подарокъ гошовишся для благочесшивыхъ чишашелей!

Я думалъ, чшо легко найду случай проѣхашь изъ Харькова въ Кіевъ, предполагая безпрерывное сообщеніе между двумя шакими важными городами. Не шушъшо было. На силу добрался, сколько версшъ между ними. „Дорога ближняя на Сумы, но трудно найдши шеперь лошадей; сшупайше лучше на Полшаву.“ О попушчикахъ нечего и думашь. Пришлось покупашь повозку. Одному по незнакомой дорогѣ ѣхашь все-шаки опасно, и я радъ былъ вспрѣшишься въ Казначейсшвѣ съ канцелярскимъ служишелемъ, коширый, переходя на службу въ Полшаву, бралъ шакже подорожную. Я радъ былъ взяшь его съ собою. Преосвященный благословилъ меня Св. кресшомъ въ домовой своей церкви. Я оширавился, погосшивъ у него ши дня, — ши дня прекрасные, полные, усладишельные.

Дорогой имѣлъ случай увидѣшь въ своемъ спушникѣ воспишанника Библіошеки для чшенія — онъ говорилъ цѣлыми фразами изъ нея, судилъ объ лишераширѣ, о слогѣ, смѣялся надъ *симъ* и *онымъ;* однимъ словомъ — это былъ живой нумеръ ея. Я слушалъ и наблюдалъ съ большимъ удовольсшвіемъ, а между шѣмъ разспрашивалъ о губерніи, о присушсшвенныхъ мѣсшахъ, о городѣ, желая знашь, какъ судяшъ объ эшихъ предмешахъ снизу.

Въ Полшавѣ Губернашоромъ А. Е. Аверкіевъ, съ коширымъ я имѣлъ чесшь давно уже познакомишься въ Твери, и споришь о Борисѣ Годуновѣ. Онъ вспрѣшилъ меня съ прежнимъ радушіемъ, кошираго я ни-

когда не забуду, и предложилъ всѣ средства къ свободному проѣзду по проселкамъ: мнѣ хотѣлось по дорогѣ, потому что семь верстъ не крюкъ, навѣстить мать Гоголя около Миргорода и осмотрѣть его родину; а потомъ проѣхать на Золотоношу и Переяславль, взглянуть на Максимовича въ его хуторѣ на берегу Днѣпра.

Проводникомъ моимъ въ Полтавѣ былъ Г. Бодянскій, редакторъ Губернскихъ вѣдомостей, братъ нашего Профессора. Стоя на горѣ, близь бывшаго дома Кочкаревскаго, у котораго я былъ въ 1829 году, онъ показалъ мнѣ всѣ примѣчательныя мѣста въ исторіи Полтавскаго сраженія: Вотъ здѣсь пробрался храбрый Полковникъ Головинъ съ помощію къ Полтавскому гарнизону. Тамъ Шведы вели подкопы. Вотъ оттуда были вылазки осажденныхъ. Тамъ за Ворсклою, между деревнями Крутымъ берегомъ и Искревкою, стояло все Русское войско. Петръ, узнавъ о крайности Коменданта, у котораго оставалось только полторы бочки пороха и восемь ящиковъ патроновъ, рѣшился на сраженіе; Русское войско перешло чрезъ Ворсклу въ бродъ и по мосту, — вонъ видите у лѣса деревня Петровка, — и расположилось станомъ подлѣ деревни Яковцевъ тыломъ прислонялось оно къ Ворсклѣ, и защищалось по флангамъ и съ переднихъ линій ретрашаментами.

Сраженіе было въ той сторонѣ на равнинѣ между двумя лѣсами. Вонъ оттуда ударилъ Меньшиковъ.

Съ живѣйшимъ любопытствомъ слушалъ я своего путеводителя и вспоминалъ подвиги Петровы.

Съ горы мы отправились въ церковь, гдѣ Петръ приносилъ благодареніе Господу Богу за одержанную побѣду. Горячо онъ молился здѣсь, и тяжелый камень свалился съ его сердца! Въ церкви обвѣтшалой ходить уже страшно; того и гляди, что упадетъ потолокъ. Государь Цесаревичъ пожертвовалъ значительную сумму для постройки каменной одежды на нее. Желательно, чтобъ знаменитая церковь сохранилась совершенно въ прежнемъ видѣ, безъ малѣйшаго измѣ-

ненія, подновленія и украшенія, а только возстановленная.

Домикъ, гдѣ отдыхалъ Петръ I, былъ цѣлъ неслишкомъ давно. Владѣлецъ его, сынъ современника Петрова, перенесъ его, кажется, въ свою деревню, поссорясь съ однимъ изъ прежнихъ Губернаторовъ, который.... требовалъ у него исправленія. На мѣстѣ его стоитъ теперь бѣдный памятникъ.

Института и Кадетскаго корпуса, устроеннаго, говорятъ, отлично, я, къ сожалѣнію своему не имѣлъ времени осмотрѣть. Всѣ бумаги, нужныя для меня, были готовы. Г. Почтмейстеръ съ своей стороны оказалъ свое содѣйствіе, и я, вооруженный разными видами и предписаніями, пустился въ Васильевку.

Верховой провожатый, намъ данный, на силу однакожъ довезъ насъ до проселочной станціи, самъ незная дороги. „За чѣмъ же ты взялся провожать?“ „Послали!“ Мы проѣхали одно село Жуки. Не здѣсь ли Самуилъ Величко, канцеляристъ Войсковой Канцеляріи, писалъ свою Исторію, которая досталась мнѣ на Лаптевскомъ аукціонѣ, и составляетъ драгоцѣнный памятникъ Малороссійской исторіи, никому доселѣ неизвѣстный! Какая природа вокругъ благодатная! Какой вездѣ просторъ! Что за невинность, простота на лицахъ!

Въ волостной избѣ лишь только показалъ я предписаніе, всѣ бросились кто искать лошадей, пасшихся въ полѣ, кто за упряжью, кто за возчикомъ. Я пошелъ гулять по деревнѣ. Бѣжитъ мальчикъ навстрѣчу. „Куда ты?“ За Онисимомъ!“ „Начто тебѣ онъ?“ „Жена у него умерла въ хатѣ!“ „Развѣ въ одночасье?“ „Нѣтъ, она хворала уже давно!“ „Гдѣ же мужъ?“ „Жнетъ на полѣ.“

Между тѣмъ тройка моя была уже готова, и я отправился, озирая кругомъ поля, лѣса, луга. Что за прелесть — полосы лиловыя. Народу никого не встрѣчаешь, и очень было трудно допрашиваться о дорогѣ. Случится гдѣ ни-

будѣ на полѣ увидѣшь у скирда или стога бабу или мальчика, такъ на силу докличешься: „Чи се?“ „Се“ отвѣчаютъ они, чтобъ какъ нибудь отвязаться, а выходишъ дѣло совершенно напротивъ. Что за мосты черезъ Голшву, которая пробирается болотами!

Къ вечеру подъѣхали мы къ Васильевкѣ. На широкой полянѣ стоитъ скромная церковь, осѣненная вѣтлами. Вдали отъ нея, чрезъ небольшое углубленіе виденъ барскій домъ, въ одно жилье, какъ всѣ въ Малороссіи, длинный, выкрашенный бѣлою краскою, увѣнчанный высокими, развѣсистыми деревьями. Впереди разсыпаны хаты. Спадо возвращалось домой. „Домали барыня?“ спросилъ я пастуха. „Гоголиха?“ отвѣчалъ онъ, „не скажу,“ т. е. незнаю. Я вышелъ изъ брички и пошелъ по зеленому двору. Дворовые высовывались коегдѣ изъ оконъ. „Барыня уѣхала къ сосѣдямъ, но сейчасъ будетъ.“ А барышни дома? „Старшая!“ Я познакомился съ нею и попросилъ провожатаго, чтобъ идти на встрѣчу. Не успѣли выйдти изъ деревни, какъ я увидѣлъ длинные дрожки. ....

Никакъ не льзя было отказаться отъ ночеванья. Нечего было и думать. А на другой день должно было непремѣнно обѣдать. Съ вечера разосланы были гонцы въ разныя стороны, а поутру изъ-за сорока верстъ пріѣхалъ Г. Дан., любезный мой Парижскій сожитель. Мы осмотрѣли весь домъ, садъ на берегу пруда, густой съ разными запѣйливыми гротами и пещерами, извилистыми дорожками, рощицами, гумно, кладовыя, погреба съ наливками, варенъями, сырами и разными произведеніями Малороссійской природы; потомъ крестьянскія хаты, сходили въ церковь, покатались по пруду, наконецъ пообѣдали — борщь, вареники, сыръ жареный (отъ особаго способа творожить), пироги съ вишнями, и варенье. Всѣ блюда и чашки вѣрхомъ. Разумѣется, одно кушанье надо было запивать терновкою, другое сливянкою, третье смородиновкою. Каждое кушанье имѣло свою исторію со множествомъ случаевъ происходившихъ при его употребленіи.

Любезный Д. растолковалъ мнѣ дорогу; оказалось, что не надо возвращаться въ Полтаву, какъ я прежде хотѣлъ, и не надо даже ѣхать на Кременчугъ, но чрезъ Миргородъ можно прямо выѣхать на Лубны, и тѣмъ выгадать верстъ 50. Мы отправились вмѣстѣ, выславъ заранѣе подставныхъ лошадей.

Дорогою заѣхали къ родственнику моего спутника, Майору Чернышу, который служилъ съ отличіемъ всю войну 1812 года, былъ близокъ къ нѣкоторымъ знаменитымъ Генераламъ и знаетъ вообще много любопытнаго. Я просилъ его сына записывать его разсказы. Напившись чаю, продолжали путь.

Въ Ереськахъ перемѣнили лошадей. Здѣсь долго жилъ Трощинскій. Обошелъ всѣ комнаты запустѣлаго дома, гдѣ проводилъ послѣдніе годы своей жизни этотъ знаменитый человѣкъ, остальный изъ Екатерининскаго славнаго времени. Онъ былъ очень гостепріименъ, и къ нему собиралось все сосѣднее дворянство. Что сталось съ его бумагами? Замѣчу еще, что Трощинскій выписывалъ всѣ вновь выходившіе книги и журналы Русскіе, что, какъ извѣстно, въ высшемъ кругу случается еще рѣдко.

Ночью поздно пріѣхали мы въ знаменитый Миргородъ, и остановились у уѣзднаго Медика,ославъ тотчасъ слугу за лошадьми. Сами прилегли отдохнуть. Я проснулся въ 5 часовъ, вышелъ на дворъ, смотрю, лошадей и духомъ еще не слыхать, люди храпятъ во всѣхъ углахъ. Насилу нашелъ посланнаго слугу. „Что же лошади?“ „Не добудился.“ „Ахъ ты, безполковый, ступай скорѣй опять, и добудись.“ „Къ тому жъ нѣтъ ни Засѣдателя, ни Исправника, ни Окружнаго, ни Помощника, а есть одинъ только Иванъ Степановичъ. Между тѣмъ проснулся и хозяинъ, и напугалъ насъ извѣстіями о дорогѣ: „двѣ тройки не вывезутъ, не только одна, а дожидаться будете вездѣ часа по три: лошади теперь въ полѣ и ихъ соберешь не скоро; иная забредетъ и Богъ знаетъ куда. Съ казенною надобностію вездѣ остановка.“

Къ 7 часамъ привели однакожь славную тройку. Между тѣмъ, какъ я торопилъ закладывать лошадей, казакъ съ длинной шеей, какъ у гуся, привелъ къ Медику бабу для засвидѣтельствованія въ помѣшательствѣ. „Есть у тебя дѣти?“ „Есть, Степанъ, Петрò, Галя,.... о мои квѣточки, сбирайтесь ко мнѣ,“ воскликала старуха жалобнымъ голосомъ...

Таранпасъ готовъ, и мы, поблагодаривъ радушнаго хозяина, отправились.

Въ Миргородѣ тѣже широкія ýлицы, низменные домики, грязь по дорогѣ, и лужа на перекресткѣ, какъ во время ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ; Гоголь только немножко польстилъ своему отечественному городу. Я замѣтилъ еще на вывѣскѣ мундиръ съ толстѣйшими эполетами: желательно знать, какихъ Генераловъ приманиваетъ къ себѣ для заказовъ Миргородскій артистъ.

Дорога оказалась прекрасная, точно скатерть. Поля покрыты хлѣбомъ, какъ яичнымъ желткомъ. На солнцѣ переливается онъ, что твое золото. Возчикъ нашъ гналъ лошадей безъ памяти. „Славный казакъ,“ стали мы подзадоривать его; „лихой козакъ“ — и онъ погналъ еще шибче. „Да этакъ и Москали не гоняютъ, ай казакъ!“ Нашъ парень выходилъ изъ себя. „Куда москали, наврядъ и Нѣмцамъ!“ Мы однакожь скоро прекратили свои похвалы, опасаясь, чтобъ козакъ не замучилъ лошадей.

Проѣхали село Кибинцы, другое селеніе Трощинскаго, гдѣ, кажется, онъ скончался. Одна сосѣдняя дорога называется Ромоданью, вѣроятно въ память походовъ Князя Ромодановскаго. На половинѣ дороги, подлѣ жидовской корчмы, кормили лошадей. Елисаветградскіе купцы, ѣхавшіе въ Ромны, варили въ котелкѣ на огнѣ кашицу, и пригласили насъ принять участіе въ ихъ походномъ обѣдѣ, на что мы согласились съ благодарностію.

По обѣимъ сторонамъ дороги очень много кургановъ.

Передъ вечерпями пріѣхали въ Лубны, на высокой горѣ, и остановились у почтеннаго Доктора Петрашевскаго. — Низенькій, но обширный домъ подъ тѣнію черешень, рябинъ и тополей, среди неизмѣримаго сада.... Что за привольная жизнь въ Малороссіи! Какое изобиліе во всѣхъ естественныхъ произведеніяхъ, нужныхъ для продовольствія. А роскошь уже закралась, — и производитъ опустошенія, раждаетъ недостатокъ, притѣсненіе и насиліе.

Пообѣдавъ Малороссіянинъ Д., расположился отдыхать, а я, Москаль, поспѣшилъ къ начальникамъ хлопотать о продолженіи дороги. Къ тому, къ другому, время уходило, — а дорога впереди „поганая,“ и я рѣшился переночевать подъ гостепріимнымъ кровомъ. Между тѣмъ подговорилъ товарища съѣздить въ знаменитый Лубенскій монастырь въ 5 верстахъ отъ города.

Какая живописная дорога, въ гору между двумя борами; лучи солнечные прорѣзываютъ чащу и представляютъ волшебную игру свѣта по разнымъ направленіямъ. Группа бабъ подлѣ шинка была достойна кисти Теньера. Монастырь стоитъ на крутой горѣ Мгыри; видъ на Сулу и зарѣчье прелестный.

Приложился къ рукѣ Преосвященнаго Аѳанасія, который скончался здѣсь на возвратномъ пути изъ Москвы въ Константинополь въ 1634 г. Патріархъ почиваетъ въ креслахъ, и видъ его сидящаго, впорые спо лѣтъ, съ наклоненною головою, очень поразителенъ.

Въ монастырѣ живетъ на покоѣ Псковскій Архіепископъ Меѳодій, лишенный зрѣнія; я зашелъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе. Какъ обрадовался старецъ, услышавъ, что я принадлежу къ Московскому Университету. Онъ слушалъ тамъ лекціи въ девяностыхъ годахъ прошедшаго столѣтія, и помнитъ всѣхъ своихъ учителей и товарищей. „Это время,“ сказалъ онъ, „я считаю пріятнѣйшимъ въ моей жиз-

ни; аттестатъ свой и золотую медаль я берегу до сихъ поръ, какъ первыя мои драгоцѣнности."

Съ особеннымъ почтеніемъ распрашивалъ онъ меня объ А. А. Антонскомъ, который въ его еще время славился своимъ искусствомъ въ управленіи Университетскаго Пансіона. Потомъ началъ говорить о Профессорахъ: Сохацкомъ, Чеботаревѣ, Страховѣ, очень хвалилъ Шадена, въ пансіонѣ котораго воспитывался Карамзинъ. — Я обратилъ разговоръ на сего послѣдняго, желая получить живое свѣдѣніе о впечатлѣніи, которое произвелъ онъ на своихъ современниковъ и сверстниковъ, (что мнѣ нужно для давно задуманнаго похвальнаго слова ему). „Около него", сказалъ Преосвященный, „ходили всѣ, какъ пчелы около благоуханнаго цвѣтка. И надо сказать, что онъ былъ любезенъ. Старая пословица наша: — насильно милъ не будешь, потеряла на немъ свой смыслъ: онъ именно насильно былъ всѣмъ милъ!!" Старецъ оживлялся больше и больше; вспомнилъ о своихъ товарищахъ: Мерзляковѣ, Подшиваловѣ, объ общихъ гуляньяхъ на Воробьевыхъ городахъ; казалось, вся прошедшая жизнь, давно позабытая, проносилась въ его воображеніи. Я слушалъ его съ особеннымъ удовольствіемъ, и радъ былъ, доставляя ему случай на старости, въ болѣзни, съ слѣпотою, насладиться воспоминаніями. „Какая память у Вашего Преосвященства", замѣтилъ я ему между прочимъ, „какъ вы помните по фамиліямъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ". — „Да, я помню ихъ по именамъ," отвѣчалъ онъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ: „Григорій Ивановичь Карташевскій, Иванъ Ѳеодоровичь Журавлевъ, Семенъ Мартыновичь Ивашковскій"...

Да, старые Университетскіе питомцы любили Университетъ горячо, какъ будто свою родину, колыбель; они составляли одно семейство, и между собою, и своими наставниками. Сколько ни случалось мнѣ встрѣтить ихъ, они всѣ раздѣляютъ однѣ чувства. Малиновскій напримѣръ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ плакалъ, смотря

на Университетъ, сожженный Французами. Академическая Гимназія много содѣйствовала къ произведенію этого дружелюбія. Иной сирота съ осьми лѣтъ отъ роду, попавшись въ Университетъ, проживалъ тамъ лѣтъ двадцать, т. е. лучшіе годы своей жизни. Мудрено ли, что всякій уголъ, всякая лавка, всякое лице дѣлалось ему роднымъ и любезнымъ. За Университетскимъ дворомъ начиналась уже чужбина. Послѣ Французовъ безъ Гимназіи это чувство стало слабѣть, но еще не много: Университетъ по всѣмъ курсамъ и отдѣленіямъ составлялъ одно цѣлое. Я помню свое время, какъ весело мы учились и жили, какъ любили мы не только Мерзлякова съ его пламенной, открытой, доброй, чистой душою, съ его живописною рѣчью, не только Мудрова съ убѣдительнымъ словомъ опыта и готовою помощію бѣдному, Сандунова съ его неистощимымъ Русскимъ остроуміемъ, рѣшительнымъ тономъ и безпощадною бранью, но и Тимковскаго съ его угрюмымъ безмолвіемъ и неизмѣнною суровостію, и Гейма съ его кропотливою взыскательностію и безпрестанными вспышками. „Безусловное условіе всего условнаго“ или „танцовальщикъ танцовалъ“ Брянцева — двустраничные періоды о пожарѣ Московскомъ Черепанова „по Петровкѣ, по Покровкѣ и Крестовоздвиженкѣ,“ сравненіе языка Славянскаго съ Русскимъ посредствомъ предложеній — „юная дѣва трепещетъ“ и „молодая дѣвка дрожитъ“ Гаврилова, — составляли невинное утѣшеніе нашихъ вечеринокъ. Никакая злая насмѣшка не осмѣливалась коснуться, и лице Профессора было лицемъ священнымъ.....

.....

Вотъ о чемъ я думалъ, возвращаясь домой поздно вечеромъ отъ достопочтеннаго старца, и мое охладѣвающее, ожесточающееся сердце, начинало биться какъ будто въ отвѣтъ Меѳодіеву. О! скажу я, не въ гнѣвъ нашимъ Педагогамъ: буква умерщвляетъ, духъ животворитъ. —

Что за небо, что за звѣзды!

За патріархальнымъ ужиномъ съ вишневымъ киселемъ у нашего почтеннаго хозяина распрашивалъ о примѣчательныхъ здѣшнихъ людяхъ и мѣстахъ. — Недалеко отсюда Ташань, гдѣ жилъ Румянцевъ Задунайскій и Обуховка съ пѣснями Капниста; услышалъ о бумагахъ Новикова. Сколько любопытныхъ свѣдѣній можно собрать вездѣ! А Малороссійская жизнь съ безчисленными анекдотами и побасенками! Но гдѣ же Русскіе путешественники? Мы ни на что не хотимъ смотрѣть, ничего не хотимъ знать, и я сомнѣваюсь, былъ ли какой нибудь Русскій городъ, кромѣ Петербурга и Москвы, предметомъ любопытства этого рода! Мы думаемъ, что если нѣтъ Лукзорскаго обелиска да Тюльерійскаго дворца, такъ нѣтъ ничего. О невѣжество!

Со свѣтомъ одинъ одинехонекъ, распростившись съ любезнымъ Д., отправился я въ путь на Золотоношу (верстъ 90). Дорога прекрасная, что за милыя простодушныя лица встрѣчались мнѣ на станціяхъ, въ приказныхъ избахъ, а ѣсть нигдѣ нечего! „Нѣтъ ли у васъ яицъ?“ спросилъ я одного сторожа въ волостной избѣ, — „нѣтъ, не несутся проклятыя.“ Какову тарелку подалъ мнѣ одинъ старый солдатъ, какову ложку, — о Боже мой!

Золотоноша въ долинѣ по берегу рѣки, которая носила нѣкогда золото, очень живописна. Не нашелъ никакихъ начальниковъ, уѣхавшихъ на обѣдъ въ.... къ Е. Ѳ. Тимковскому, (которому мы обязаны путешествіемъ въ Китай), и уже Г. Помощникъ Окружнаго снабдилъ меня предписаніемъ.

На станціи былъ свидѣтелемъ суда. Нѣсколько казаковъ, опираясь на посошки, стояли кругомъ. Старшій былъ лѣтъ семидесяти остриженный по старому; онъ помнилъ еще сопниковъ. „У отца была еще и шабля, мы ходили съ матерью къ нему на службу. Отняли и шаблю, сказали — отдадутъ черезъ полтора года, да и до сихъ поръ нѣтъ.“ Дѣвка лѣтъ 20, здоровая и высокая, жало-

валась, что браша ея, мальчишку лѣтъ 13, хозяинъ, молодой козакъ, не пускаешъ отъ себя подъ какимъ-то предлогомъ. Что за голосъ пріятный, невинный у дѣвицы! Что за кроткое лице у самаго хозяина, на котораго приносилась жалоба. Оба разсказали свои причины, но я не могъ дождаться рѣшенія, потому что лошади были готовы.

Малороссіянинъ дольше не чувствовалъ нужды, ошпого онъ и невиннѣе; его не безпокоитъ жадность Москаля; онъ счастливъ внутри своей хаты, подъ черемухою. Впрочемъ и Москаль не родился плутомъ, а сдѣланъ и сдѣлался.

Максимовичъ живетъ отсюда еще въ придцати верстахъ; я спѣшилъ увидѣть стараго товарища и вспомнить съ нимъ про былое, про времена Московскаго Вѣстника и Телеграфа, Телескопа и Аѳенея! Съ какимъ удовольствіемъ воображалъ себѣ его удивленіе! Дорога, по ступицы въ песку, ведетъ на его Михайловскую гору, гдѣ онъ поселился хворый. Лошаденки насилу вытаскивали колеса. Наконецъ пріѣхали! „Здѣсь ли живетъ Максимовичъ?“ — „Здѣсь“. — „Проводите меня къ нему“— Его кажется нѣтъ-дома; онъ по-утру поѣхалъ въ Яготинъ!“ Меня такъ и обдало холоднымъ потомъ. Не можетъ быть! „Поѣзжайте спросить“. Завернулъ на дворъ. Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Вотъ досада-то! —

Рѣшился переночевать въ его хатѣ, усталый и огорченный. Взошелъ съ печалію въ комнату. Ну вотъ его скромные диваны, знакомые портреты Пушкина, Мерзлякова, Павлова. Вотъ и Кювье, котораго онъ оттягалъ у меня. Мнѣ было грустно и пріятно: изъ низенькихъ оконъ видъ на терасу съ цвѣтами, которые однакожь принимаются плохо на песчаномъ грунтѣ. Внизу далеко подъ горою катится Днѣпръ. По уступамъ горы разсыпано село, зеленѣютъ купы высокихъ широколиственныхъ деревьевъ, возвышается церковь; за рѣкою, которая видѣется полосами, темнѣетъ лѣсъ.

Сходилъ съ горы къ его отцу, живущему среди села, кажется разныхъ владѣльцевъ. Мы потолковали о Малороссіи. Старикъ хлопочетъ больше всего, какъ бы развесть табакъ на песку, и съ гордостію показывалъ мнѣ нѣсколько грядъ; потомъ подчивалъ меня наливкою на выборъ изъ сотни своихъ стклянночекъ, изъ коихъ въ двухъ не было одинакой.

Ворочась весь вечеръ ходилъ я по горѣ, въ совершенномъ уединеніи.

Поутру пустился я въ Переяславль (40 верстъ), и поспѣлъ къ концу обѣдни въ Соборъ. Ничего древняго не видать въ отчизнѣ Владиміра Мономаха. Какъ это больно! Хотѣлъ было взглянуть на Малороссійское харатейное Евангеліе, но нѣтъ библіотекаря. Поѣхалъ дальше, и ночью пріѣхалъ въ Кіевъ, прямо къ Ректору Университета Г. Неволину.

Какъ я ни торопился на воды, но счелъ за грѣхъ не остановиться на день въ Кіевѣ, и не осмотрѣть Кіевскихъ новостей.

Университетъ почти готовъ; огромное, великолѣпное зданіе, чуть ли не первое въ Европѣ. Обошелъ всѣ покои, въ которыхъ работники кишатъ, какъ муравьи: съ Сентября должны начаться здѣсь курсы. — Смѣю сказать, что, кажется, много мѣста пропадетъ даромъ, особенно въ слишкомъ широкихъ коридорахъ. Щегольство губитъ насъ. Жаль также съ перваго взгляда, что зданіе выстроено за нынѣшнимъ городомъ, а не внутри его, и что недостаетъ сада.

Какой прекрасный видъ представляетъ женскій Институтъ. Я былъ въ Кіевѣ въ 1835 году, осенью въ ненастную погоду, подъ проливнымъ дождемъ, — но и тогда произвелъ онъ на меня сильное дѣйствіе. Теперь скажу рѣшительно, что по положенію это первый городъ въ Европѣ: такого разнообразія нѣтъ нигдѣ. Какіе виды изъ городскаго сада, отъ церкви Андрея

Первозваннаго, (которая теперь возстановляется), и со многихъ другихъ точекъ города.

Важность политическая Кіева несравненно еще выше: это существенное средоточіе между Великой Россіею, Малороссіей, Новой Россіей и Польшей. Польскіе эмигранты ничего такъ не боятся, какъ возвышенія Кіева ...

Осмотрѣлъ Десятинную Церковь, вновь построенную на мѣстѣ древней Владиміровой. Весь полъ собранъ изъ древнихъ камей. Церковь освящена недавно, и не стыдно ли, что мы нигдѣ ни читали обстоятельнаго описанія объ ея устройствѣ и освященіи. Честь и слава основателю, Г. Анненкову, но я, какъ Археологъ, желалъ бы лучше вмѣсто ея видѣть одинъ древній фундаментъ, очищенный во всемъ его пространствѣ, если уже нельзя было воздвигнуть цѣлаго храма. Хорошо, что древнія вещи, найденныя въ развалинахъ, собраны и хранятся въ особомъ шкапѣ въ алтарѣ. Это лучшее украшеніе храма!

Заѣхалъ помолишься въ Софійскій Соборъ, обошелъ всѣ переходы и пересмотрѣлъ мозаическіе Образа. Недавно, *говорятъ*, *найдено еще изображеніе Пресвятой* Дѣвы, въ минуту благовѣщенія, сидящей за пряжею, но я не могъ доспроситься, гдѣ оно находится.

Помянулъ Митрополита Евгенія (предъ его надгробною доскою), которымъ я былъ принятъ такъ благосклонно въ 1835 году.

Познакомился съ новымъ Ректоромъ Академіи, Отцемъ Архимандритомъ Димитріемъ, и просилъ его Высокопреподобіе о біографіяхъ Петра Могилы, Иннокентія Гизеля, Сильвестра Коссова, Лазаря Барановича, — столько важныхъ и нужныхъ для Русской Исторіи.

Оттуда отправился въ Печерскую Лавру, и получилъ благословеніе Высокопреосвященнаго Филарета, который приказалъ проводить меня по пещерамъ, хотя урочные часы уже миновались. Несравненно съ живѣй-

тимъ чувствомъ, чѣмъ прежде, обошелъ я теперь всѣ пещеры, и помолился въ тѣсной церкви Св. Ѳеодосія, приложился къ мощамъ Нестора лѣтописателя, — потому что съ тѣхъ поръ короче познакомился съ Патерикомъ и святыми его сочинителями. Нашъ Патерикъ есть сокровище неоцѣненное, сокровище языка, Исторіи, Психологіи, благочестія, а мы все еще думаемъ, можно ли издать его, и не додумаемся. Удивительно странныя явленія представляются у насъ, не смотря на наши успѣхи.

Ходя по пещерамъ, думалъ: сколько вѣры, преданности Богу, твердости духа, ненависти къ міру, должно было имѣть, чтобъ заключиться въ этихъ подземныхъ гробахъ, вдали отъ свѣта дневнаго, — не принимать ни какой пищи и питія, кромѣ просвиры, корки чернаго хлѣба и воды, — не выходить по двадцати, по тридцати лѣтъ, изъ утробы земной, углубляться въ себѣ, сосредоточивать всѣ свои мысли на молитвѣ. Какими чудесами преисполнена жизнь этихъ Святыхъ отшельниковъ, чудесами истинными и несомнѣнными, кои безпрестанно оправдываетъ и доказываетъ наука! Сколько поэзіи въ ихъ подвигахъ! И мы, несмысленные, отъ такихъ живоносныхъ источниковъ обращаемся къ Уландамъ и Гейне, переводимъ со пщаніемъ ихъ мѣлочи, и попираемъ ногами свои бисеры. Одно основаніе Печерской церкви есть такая поэма, которой позавидовала бы всякая Европейская литература. О юноши! какъ мнѣ жаль васъ, когда я вижу васъ стремящихся за потокомъ....

Заѣхалъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Генералъ-Губернатору Дмитрію Гавриловичу Бибикову, о Русскомъ духѣ котораго наслышался столько! Притомъ Преосвященный Иннокентій просилъ меня доставить къ нему письмо. Второе отвезъ къ Протоіерею Скворцову, украшающему собою Русскую церковь, и Академію, и Университетъ. О сколько есть у насъ людей достойныхъ! Я очень былъ радъ, что познакомился съ достопочтеннымъ Профессоромъ.

.....

Посѣтилъ молодаго Профессора Иванишева, который трудится больше своей братіи - Юристовъ, для Русскаго Права, Профессора Авсенева, который занимается Философіей въ Русскомъ Христіанскомъ духѣ, и, благодаря его содѣйствію, успѣлъ кончить заблаговременно всѣ свои дорожныя дѣла. Познакомился съ Барономъ Шадуаромъ, которымъ напугали-было меня, будто онъ вывезъ много рѣдкостей отъ Славянъ, (а я ѣду за ними), однакожь утѣшился — не много. Навѣстилъ достопочтеннаго своего товарища Профессора Даниловича, пріѣхавшаго сюда лечиться.

Ночью не хотѣлъ я выѣхать изъ Кіева, опасаясь шалостей въ окрестностяхъ, впрочемъ, думаю, напрасно; потому что и сюда пріѣхалъ я ночью же и одинъ, однако безъ всякихъ приключеній; теперь же ѣду съ провожатымъ. (Опасенія мои о дорогѣ оказались пустыми: ночью, лѣсомъ, въ непогоду, одному, ѣхать такъ безопасно, какъ въ городѣ).

Малороссія за Днѣпромъ имѣетъ уже другой характеръ, судя по большой дорогѣ: мѣстоположеніе хуже, селеній мало, кое гдѣ видишь грязный шинокъ, — и только. Поляки и жиды оказали на ней все свое вліяніе. Любопытно было бы описать вторженіе Шляхты съ 16 столѣтія и раздѣленіе Русскихъ помѣстьевъ: также разыскать, сколько Русскихъ помѣщиковъ, въ теченіи времени до Екатерины IIй ополячилось, принявъ Католическую вѣру, чтобъ воспользоваться покровительствомъ Польскаго Правительства. Замѣчательно, что Русскіе крестьяне укрѣпились вполнѣ здѣсь за своими господами, т. е. Поляками, только тогда, какъ эти губерніи возвратились къ Россіи.

Проѣхалъ благополучно *Новгородъ-Волынскій* съ остатками древнихъ укрѣпленій, которыя безпрестанно разваливаются, *Острогъ* съ воспоминаніемъ о первой Славянской библіи, которую напечаталъ здѣсь Кон-

стантинъ Острожскій посредствомъ Московскаго печатника, Ивана Ѳедорова, *Дубно*, и прочія мѣста, столько извѣстныя въ нашей Удѣльной Исторіи, — и на третьи сутки въ 3 часа пополудни пріѣхалъ въ *Радзивиловъ*. Небольшое замедленіе произошло отъ того, что долженъ былъ переночевать близъ Житоміра, по причинѣ проливнаго дождя. Остановился у своего пріятеля, Еврея Гартенштейна, купца 1-й гильдіи, которому много одолженъ усерднымъ исполненіемъ моихъ книжныхъ порученій.

Дилижансъ изъ Бродъ въ Львовъ отходитъ еще завтра поутру, и я разсчелъ, что лучше осмотрѣть мнѣ здѣсь знаменитую Лавру Почаевскую нынѣ, чѣмъ ѣхать ночевать въ Бродахъ.

Взялъ съ почты пару, и примчался въ монастырь, верстъ 30, гораздо засвѣтло. Чудное положеніе? Колокольня видна Богъ знаетъ откуда. Архіепископа Волынскаго, Никифора, имѣющаго здѣсь свое пребываніе, не было. Я нашелъ отца Протоіерея, который обводилъ меня по всему заведенію, разсказалъ и показалъ много достопамятнаго.

Церковь основана первоначально для Христіанъ Греческаго исповѣданія, что значится по актамъ, (я видѣлъ портретъ основательницы), и уже очень поздно завладѣли ею Католики, которые возвели монастырь на степень Лавры, и сдѣлали ее столицею и крѣпостью Католичества во всей этой странѣ. Окрестные жители собирались сюда на богомолье, какъ наши ходятъ въ Кіевъ и Тройцѣ-Сергію. Въ день Успенія была великолѣпная процессія. Образъ чудотворный Божіей Матери, стоящій весьма высоко надъ алтаремъ, открывался только въ этотъ день при звукахъ особенной музыки, чуть ли не барабановъ и пушекъ. Народъ повергался ницъ. Теперь это оставлено. Образъ впрочемъ бываетъ обыкновенно закрытъ, и внезапное открытіе его на высо-

тѣ, въ самомъ дѣлѣ очень разительно для богомольца, стоящаго внизу.

Здѣсь была школа, типографія и разныя другія заведенія. Множество крестьянъ приписано было къ монастырю.

Какой-то Потоцкій обогатилъ особенно вкладами Лавру. Этотъ магнатъ былъ ужасомъ всей страны, по своимъ неистовствамъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохраняется въ пѣсняхъ. Однажды онъ ѣхалъ въ коляскѣ гдѣ-то близъ монастыря, разсердился на кучера и хотѣлъ его убить; велѣлъ ему встать съ козелъ и прислониться къ дереву; самъ зарядилъ пистолетъ и прицѣлился. Несчастный былъ въ отчаяніи, видя надъ собою неминуемую смерть. „Матерь Божія,“ воскликнулъ онъ, устремясь взорами на верхъ колокольни Почаевской, видной съ мѣста его казни, „спаси меня!“ Въ эту минуту пистолетъ осѣкся. Злодѣй взводитъ опять курокъ и также не можетъ выстрѣлить. Потоцкій былъ столько пораженъ этимъ явленіемъ, что бросилъ пистолетъ, простилъ кучера и предался Почаевской Богоматери. Это происшествіе изображено на стѣнѣ монастыря.

Въ церкви показывается слѣдъ Богородицы на камнѣ, въ коемъ не пересыхаетъ чистѣйшая вода, здѣсь чрезвычайно рѣдкая. Въ каменной скалѣ видѣлъ я также впадину, въ коей спасался одинъ Святой Угодникъ, Іовъ,— страшно подумать даже о такихъ подвигахъ, а они совершались! (Къ сожалѣнію я не записалъ многихъ подробностей, мною видѣнныхъ и слышанныхъ, понадѣясь на свою память, и она мнѣ измѣнила).

Видъ съ террасы удивительный: горизонтъ въ нѣсколько сотъ верстъ! Колокольня во время иллюминаціи должна быть видима отвсюду, и представлять зрѣлище единственное. Ахъ, Боже мой! какъ мало мы знаемъ о себѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Если человѣкъ, принадлежащій къ ученому сословію, имѣлъ такое темное понятіе

о Почаевской Лавръ, не видавъ своими глазами, чтоже извѣстно объ ней публикѣ?

Насладился великолѣпнымъ захожденіемъ солнца.

Какъ ни скакалъ я домой, но пріѣхалъ очень поздно, Бѣдныя хижины въ Радзивиловѣ были всѣ освѣщены; свѣчи во множествѣ горѣли по всѣмъ угламъ: Евреи праздновали субботу.

Мой хозяинъ сидѣлъ за сломомъ, окруженный своимъ семействомъ, дѣтьми и внуками: въ торжественномъ молчаніи совершалась вечерняя трапеза, какъ будто въ воспоминаніе пасхальной Египетской.

На другой день поутру, окончивъ всѣ дѣла въ Таможнѣ, обласканный Господами начальниками, благодаря Москвитянину, я собрался въ дорогу.-Г. Полицеймейстеръ Должиковъ, Соревнователь Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, пригласилъ меня къ себѣ взглянуть на его нумизматическое собраніе, и я увидѣлъ здѣсь медаль, мнѣ совершенно неизвѣстную, въ память напечатанія первой Славянской книги въ Краковѣ Швейпольтомъ Феолемъ: на одной сторонѣ изображенъ человѣкъ за типографическимъ станкомъ, на другой азбука. Не знаю, не подложная ли она.

Наконецъ вотъ и граница: шлагбаумъ Русскій съ черными и бѣлыми полосами и шлагбаумъ Австрійскій съ полосами черными и желтыми. Хотъ я ѣду въ третій разъ, а увидѣть это раздѣленіе для меня опять было тяжело...

Помолился Русскому Богу на свою сторону, и перекрестясь переступилъ черту.

(*до слѣд. книги*)